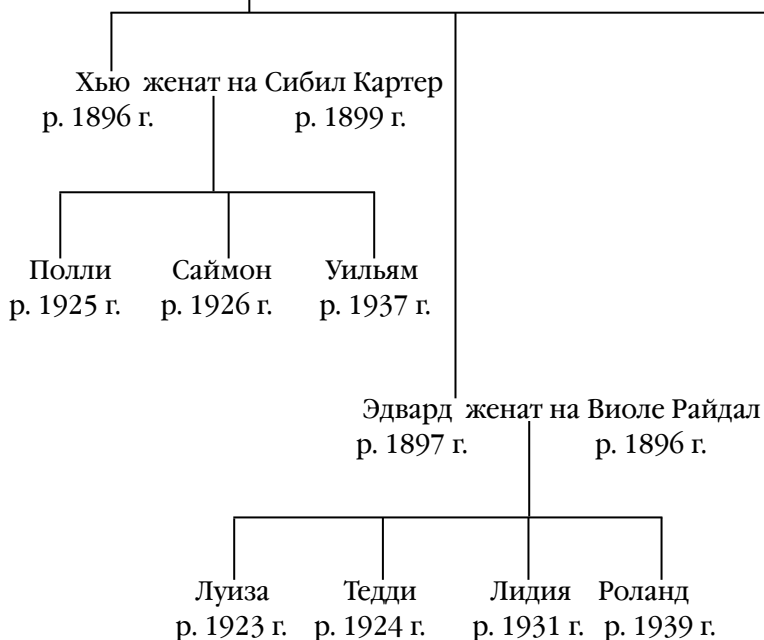

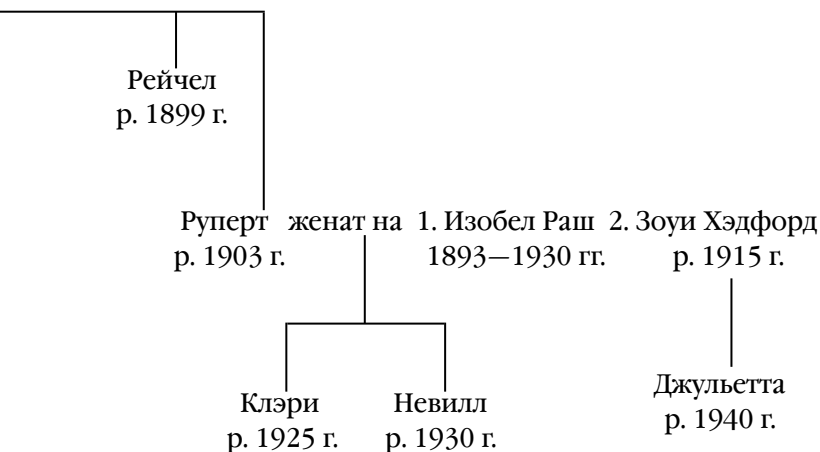

*Моим братьям,
Робину и Колину Говардам*

Уильям Казалет женат на Китти Барлоу
р. 1860 г.   р. 1867 г.

Генеалогическое древо семьи КАЗАЛЕТ

СЕМЬЯ КАЗАЛЕТ, ЕЕ РОДСТВЕННИКИ И ДОМОЧАДЦЫ

Уильям Казалет (Бриг)	Миссис Криппс (кухарка)
Китти (Дюши), его жена	Эллен (няня)
Рейчел, их незамужняя дочь	Айлин (старшая горничная)
Хью Казалет, старший сын	Дотти и Берта (горничные)
Сибил, его жена	Эдди и Лиззи (помощницы на кухне)
Полли,	Тонбридж (шофер)
Саймон,	Макалпайн (садовник)
Уильям (Уиллс) } их дети	Рен (конюх)
Эдвард Казалет, второй сын	
Вилли, его жена	
Луиза, } их дети	
Тедди, }	
Лидия }	
Роланд }	
Руперт Казалет, третий сын	
Зоуи (его вторая жена; первая, Изобел, скончалась родами Невилла)	
Кларисса (Клэри), } дети Руперта Невилл } и Изобел	
Джульетта	
Джессика Касл (сестра Вилли)	
Раймонд, ее муж	
Анджела, } их дети	
Кристофер, }	
Нора, }	
Джуди }	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие к роману рассчитано на читателей, незнакомых с первой книгой «Хроники семьи Казалет» «Беззаботные годы» и со второй «Застывшее время».

Уильям и Китти Казалет, которых домочадцы называют Бриг и Дюши, переживают войну в Суссексе, в поместье Хоум-Плейс. Бриг уже практически слеп и едва ли в силах выбираться в Лондон, чтобы контролировать дела в семейной лесозаготовительной компании. У супругов три сына — Хью, Эдвард и Руперт, а также незамужняя дочь Рейчел.

У старшего сына, Хью, женатого на Сибил, трое детей — Полли, Саймон и Уильям (Уиллс). Полли находится на домашнем обучении, Саймон ходит в школу, а Уиллсу четыре года. Уже несколько месяцев Сибил очень больна.

У Эдварда, который женат на Вилли, четверо детей. Луиза влюблена (в Майкла Хадли, успешного художника-портретиста, он старше и служит на флоте), и чувства для нее важнее, чем карьера актрисы. Тедди уходит служить в Королевские ВВС. Лидия учится на дому, а Роланд (Роли) еще младенец.

Руперт, третий сын, пропал без вести во Франции в 1940 году, еще во времена Дюнкерка. Он был женат на Изобел, от которой у него двое детей, — Клэри, обучающаяся дома вместе со своей кузиной Полли (они с Полли, однако, рвутся в Лондон, чтобы начать там взрослую

ХРОНИКА СЕМЬИ КАЗАЛЕТ

жизнь), и Невилл, школьник. Изобел умерла при родах Невилла, и впоследствии Руперт женился на Зоуи, которая намного моложе его. Вскоре после того как муж пропал, Зоуи родила дочку, Джульетту, которую отец никогда не видел.

Рейчел живет для других, отчего ее близкой подруге Марго Сидни (Сид), обучающей в Лондоне игре на скрипке, зачастую приходится нелегко.

У жены Эдварда, Вилли, есть сестра, Джессика Касл, которая замужем за Раймондом. У них четверо детей. Анджела, старшая, живет в Лондоне и постоянно ввязывается в сомнительные любовные отношения. Кристофер слаб здоровьем и ныне живет в доме-фургоне с собакой. Он занят на ферме. Нора работает медсестрой, а Джуди все время проводит в школе. Каслы унаследовали кое-какие деньги и дом в графстве Суррей.

Мисс Миллимент очень старая семейная гувернантка: она воспитывала еще Вилли и Джессику, а теперь учит Клэри, Полли и Лидию.

Диана Макинтош — самое серьезное из увлечений Эдварда — становится вдовой. Она ждет ребенка. У Эдварда и у Хью есть дома в Лондоне, но в настоящее время для жилья пригоден только дом Хью на Лэдброк-Гроув.

«Застывшее время» завершается известием о том, что Руперт жив. А в это время японцы нападают на Перл-Харбор. Действие «Смятения» начинается в марте 1942 года, сразу после смерти Сибил.

ЧАСТЬ 1

ПОЛЛИ

МАРТ 1942 ГОДА

Комната простояла взаперти всю неделю. Ситцевые жалюзи на окне, выходящем на юг, на палисадник, были опущены. Окрашенный в цвет пергамента свет пронизывал холодный застоявшийся воздух. Она подошла к окну, потянула за шнур: жалюзи с хлопанием поползли вверх. В комнате посветлело — до морозной серости, что бледнее клубящегося тучами неба. Она задержалась у окна. Пучки нарциссов с дерзкой радостью вытягивались под араукарией в ожидании, когда мартовская погода вымочит их и ломает. Пройдя к двери, она заперла ее. Вмешательство — какое угодно — было бы невыносимо. Надо принести из чулана чемодан, потом освободить гардероб и ящички комода из розового дерева у туалетного столика. Подняв чемодан (самый большой, какой отыскать смогла), положила его на кровать. Ей всегда внушали: никогда не раскладывай чемоданы по кроватям, — но с этой простыни уже стащили и выглядела она до того уныло и пусто, что наставления, похоже, не имели значения.

Когда она открыла гардероб и увидела длинный ряд плотно забивших его нарядов, то вдруг утратила касаться их. Ведь это словно руку приложить к неумолимому уходу, исчезновению. Целая неделя прошла. Но она никак не могла воспринять это самое «навсегда». Невозможно было поверить, что уход безвозвратен. Одежда

никогда не будет ношена, она больше не нужна прежней хозяйке, теперь она способна только расстраивать остальных. Полли делает это ради отца, пусть, когда он вернется от дяди Эдварда, эти банальные безысходные вещицы не послужат ему напоминанием. Она наобум сдвинула несколько вешалок: вдруг пахнуло легким ароматом сандалового дерева, а вместе с ним и еще одним, едва уловимым, который всегда вызывал у нее ассоциации с запахом волос матери. Вот зеленое с черными и белыми вставками платье, которое мама надевала, когда они позапрошлым летом ездили в Лондон, серовато-желтое твидовое пальто и юбка, что всегда смотрелись на ней либо мешковатыми, либо тесными, вот очень старое зеленое шелковое платье, которое мама носила, когда выдавались вечера наедине с папой, жакет из тисненого бархата с пуговицами из лучистого колчедана, зеленовато-оливковое льняное платье, в котором она ходила, вынашивая Уиллса... Боже милостивый, ему скоро уже исполнится пять лет. Похоже, мама сохраняла все: одежду уже не по росту, вечерние платья, которые не носились с началом войны, зимнее пальто с беличьим воротником, которое она раньше и не видела... Все это она вытащила и положила на кровать. В одной стороне изношенное зеленое шелковое кимоно укрывало золотистое вечернее платье (смутно помнилось, что оно было одним из самых никчемных папиных подарков на Рождество много лет назад: платье, в котором мама с трудом вытерпела один вечер и с тех пор больше ни разу не надевала. По-настоящему красивой одежды, грустно подумала она, совсем нет: вечерние наряды зачахли от такого долгого существования без носки, повседневная одежда изнасилась, что аж просвечивает, или лоснится, или форму потеряла, или как-то еще стала такой, какой ей быть не полагалось. Все это попросту одежда под большую распродажу, ни на что больше она и не сгодится, как заметила тетя Рейч, но прибавила:

«Полли, милочка, ты можешь оставить себе все, что нужно». Только ей ничего не нужно, а даже если бы и было нужно, она ни за что не стала бы носить — из-за папы.

Уложив одежду, она сообразила, что в гардеробе все еще оставались шляпы на верхней полке и обувь внизу под платьями. Придется отыскать еще один чемодан. Всего один и оставался: тот, что с мамиными инициалами, «С.В.К.». «Сибил Вероника», — произнес священник на отпевании. Странно все же носить имя, которым тебя не называли никогда, только при крещении и на похоронах. Кошмарная картина: мама лежит в гробу, и ее засыпают землей — так часто являлась за неделю. Оказалось, ей невмочь не думать о теле как о существе, которому нужны воздух и свет. Она тогда стояла онемелая и застывшая во время молитв и сбрасывания земли, тогда папа бросил алую розу на гроб, а она понимала, что, когда все будет сделано, они оставят ее там — в холоде и одиночестве — навсегда. Только ничего такого она не говорила никому: к ней относились как к ребенку, все это время до самого конца пичкали живеньким, бодреньким враньем в диапазоне от возможного выздоровления до отсутствия боли и, наконец, милосердного избавления (при этом никто даже не замечал несоответствия: в чем же милосердие, если не было никакой боли?). Она не была ребенком, ей почти семнадцать лет. Так что, когда потрясение осталось позади, хоть Полли и хотелось верить вранью, ее захлестнули обида и гнев на то, что ее сочли недостойной правды. Всю неделю она выскальзывала из чужих объятий, уворачивалась от поцелуев, не обращала внимания на проявление заботы и нежности. Одна отрада: дядя Эдвард забрал отца на две недели, позволив ей вволю презирать всех остальных.

Она объявила о намерении разобраться в шкафу матери и при этом решительно отказалась от любой помощи. «Уж с этим-то я, во всяком случае, справлюсь», — ска-